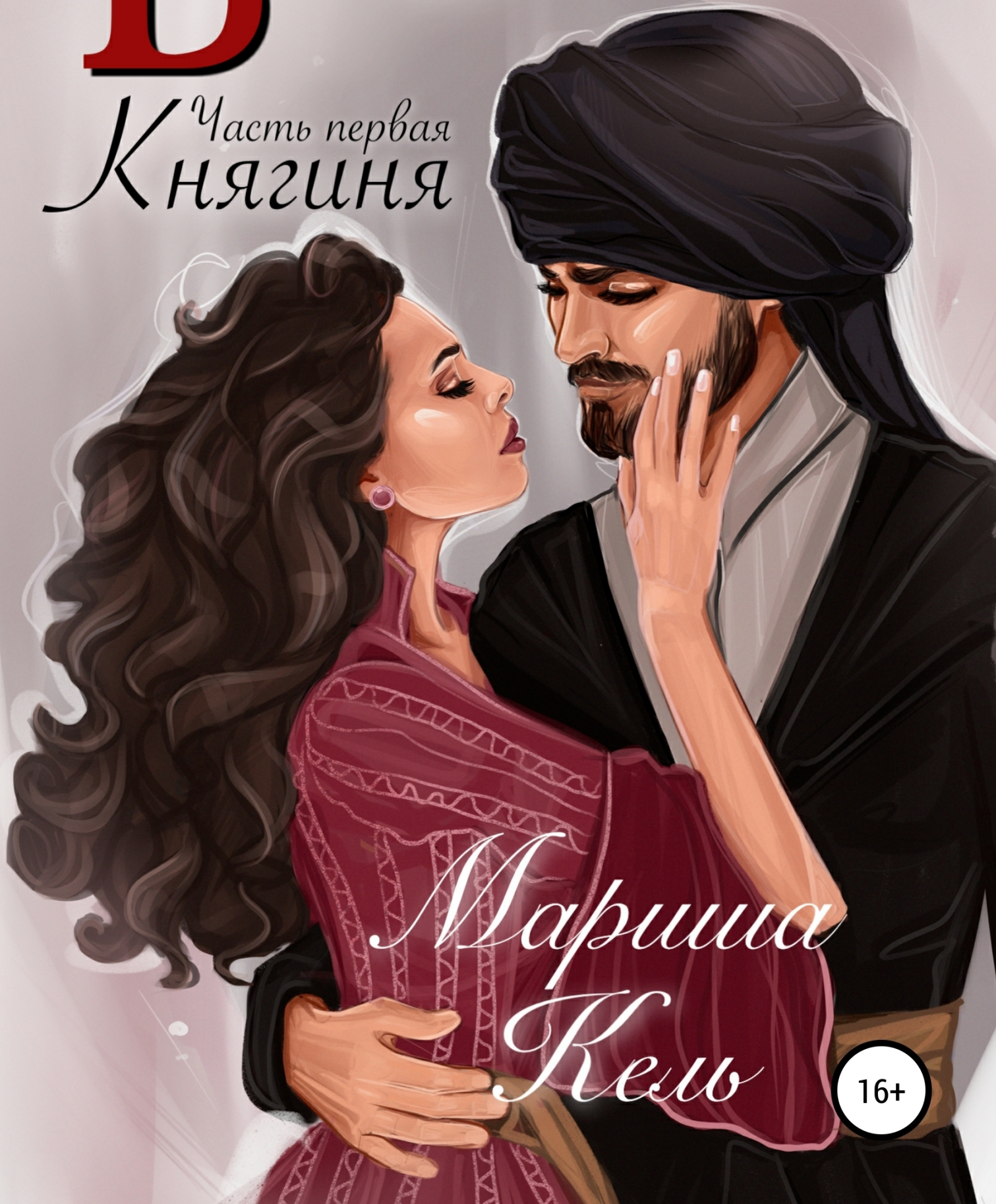

Восточный плен

Часть первая
Княгиня

Марина
Кель

16+

Мариша Кель
Восточный плен. Княгиня

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кель М.

Восточный плен. Княгиня / М. Кель — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-05250-5

Третья книга из серии: «Ольденбургское поместье». Княгиня Мари Ольденбургская отправляется к берегам Турции на поиски бесследно пропавшего супруга. Но волею судеб, она приплывает к берегам величественного Константинополя узником, попавшим в рабство. Теперь она не графиня Валевская, не княгиня Ольденбургская и не обедневшая компаньонка. Она-Meryem Güneş, «Непокорное Солнце» гарема великого султана Абдул-Меджида. Но Мари продолжает верить в долгожданную встречу с любимым. И вера её беззаветна и крепка. Ибо сильна, как смерть, любовь. Источником для написания книги послужили исторические события.

ISBN 978-5-532-05250-5

© Кель М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

*Константинополь¹. Османская империя
1860 год*

В имперский порт столичного Константинополя прибыло очередное судно с новой партией товара. Пришвартовалось оно в удобно огороженной гавани под названием Золотой Рог, это была длинная узкая бухта к северу от пролива, по берегам которой располагался город, по праву считавшийся самым большим и самым богатым городом Европы. Красавец Константинополь очаровывал и восхищал, выгодно расположившись на стратегическом мысе между Золотым Рогом и Мраморным морем, на границе Европы и Азии. Именно это обстоятельство давало городу неоспоримые преимущества в торговле и позволило ему заслуженно стать столицей христианской империи – наследницы Древнего Рима и Древней Греции в прошлом, а ныне гордо называться столицей трёх империй. С прибывшего судна началась выгрузка товара. Женщин силой вытолкнули из каика² и при помощи хлыста стали гнать вперед по извилистым узким улочкам города в направлении мраморной колоннады. Любопытствующие, коих собралось достаточно много, с живостью проявляли свой интерес. Их цепкие руки с силой дёргали за волосы женщин, вероятно, проверяя на крепость и подлинность их роскоши. Они приценивались, торговались, громко спорили, кричали, бесцеремонно ощупывая, осматривая обезумевших от страха женщин.

Когда огромный чернокожий мужчина, выхватив Мари из перепуганной женской стайки, стал грубо прижимать её к себе, она чуть не закричала и, почувствовав его пальцы на своем теле, стала отчаянно вырываться. Француженку, идущую впереди Мари, тоже схватил какой-то сальный, с оплывшим лицом толстяк и, силой пытаясь раскрыть жирными пальцами рот девушки, стал бесцеремонно её разглядывать, считая зубы. После этого он с довольным хохотом оттолкнул девушку от себя, скривив пренебрежительную гримасу. Та споткнулась и, потеряв равновесие, чуть было не упала, но Мари, сумев к тому времени отбиться от чернокожего громилы, поспешила на помощь к бледной француженке и успела подхватить её.

За длительное путешествие у женщин получилось сдружиться, и именно Френсис рассказывала Мари о славе и величии знаменитого богатого города на процветающем юге. Теперь же Мари в полной мере могла убедиться в услышанном, увидев Константинополь своими глазами. Ей незамедлительно открылись его первобытная дикость, душевная убогость и бесчеловечность.

Странные, насыщенные до резкости запахи вызывали тошнотворные приступы. Порой их приторность и яркость провоцировали спазмы дыхания, и наступало удушье. При этом шум и неугомонность города становились невыносимыми и вызывали оцепенение, невозможно было понять и оценить, что же происходит. Лишь одного хотелось – закрыть уши и больше никогда не слышать эти непонятные звуки города, которые просто оглушали. Но отвратительней и ужасней всего были сами жители, заполняющие улицы этого города. Никогда прежде за всю свою жизнь Мари не доводилось видеть такое количество людей. Она была поражена разнообразием в их одежде, вольностью поведения, непонятностью их речи... Её окружали мужчины всех цветов и наций: чёрные как смоль, с тюрбанами на голове, они являли собой самое страшное зрелище. У одних глаза темнее южной ночи, у других – голубее самой яркой лазури.

---

¹ Падение Константинополя как столицы Византийской империи случилось в 1453 году – произошёл захват столицы турками-османами под предводительством султана Мехмеда II. С того момента Константинополь (греч. *Ἀλώπη της Κωνσταντινουπόλης*) был переименован в Стамбул (тур. *İstanbul*), но сохранял своё первое имя – Константинополь – неофициально.

² Каик – лёгкое гребное (изредка парусное) судно.

Головы одних абсолютно лысые, других – с пышными кудрявыми шевелюрами. Устрашающие лица с густыми, сходящимися на переносице бровями и с длинными бородами. И ни одной женщины среди них!

Мари зажмурилась, точно пытаясь прогнать ужасный сон, но, открыв глаза, увидела, что перед ней всё та же жестокая реальность – перед ней был величественный город Константинополь.

– *Lève-toi, Francei!*³ – тихо прошептала Мари. — *Lève-toi...*

Френсис быстро поднялась и мелкими шажками, словно зачарованная тихим гипнотическим голосом Мари, пошла вперёд.

Мари, стараясь заставить себя не смотреть по сторонам, следовала за девушкой. Она, прилагая усилия, попыталась сосредоточить свой взгляд на стройной спине идущей впереди подружки по несчастью. Но все её усилия не имели должного успеха, ведь эти чудовища, напоминающие людей, эти нелюди, окружающие их слева и справа, продолжали свою пытку и истязания. На непонятном, напоминающем лай языке они громко что-то выкрикивали, вульгарно хохотали и продолжали щипать и дёргать её за лёгкую тунику и пряди распущенных волос.

«Бог мой! – взмолилась она про себя. – Хоть бы это поскорее закончилось! Уж лучше умереть...»

По горячим обветренным щекам женщины заструились тихие слёзы. Она остановилась на секунду – лишь только для того, чтобы приказать себе не сметь быть слабой. Не сметь. Затем отёрла предательски хлынувшие от обиды и унижения слёзы. Выпрямив спину, она уже спокойно и ловко увернулась от очередного любопытствующего и, гордо вскинув подбородок, твёрдой походкой зашагала вперёд. Она безгранично презирала эту похотливую, буйствующую толпу мужчин.

«Нет! Настанет время, и я попрощаюсь с этим городом навечно!» – пообещала она себе.

Мари сейчас очень сожалела о том, что пару месяцев назад она отправилась в это путешествие. Её неоднократно предупреждали, чем мог закончиться этот её порыв. Но без колебаний Мари приняла для себя решение последовать за мужем и, отыскав, вернуть его домой. По крайней мере так прежде думалось и желалось Мари. А что же теперь? Теперь по воле судьбы она будет выставлена на торгах в этой далёкой и жуткой стране. Возможно, всю оставшуюся жизнь она, русская княгиня, проведёт в рабстве у какого-нибудь торговца шёлка. И это в лучшем случае.

Три месяца назад она и двое верных друзей её мужа отплыли от берегов России. «Бедные Вольф и Анри...» Мари ещё раз крепко зажмурилась и смахнула накотившие слёзы.

Где же теперь Вольф и Анри?!

На третью неделю их путешествия «Щегол», отважная бригантина маркиза Анри Эварси, попал в шторм. Корабль разнесло в щепки. Мари и пару человек из команды подобрало судно, как потом выяснилось, торговавшее рабами.

Сначала Мари радовалась и благодарила Бога за подобное стечение обстоятельств. Узнав, что корабль-спаситель держит курс на Константинополь, Мари чуть не расплакалась от счастья, но после ей открылась страшная правда относительно команды и груза этого судна. И её жизнь разделилась на до и после... Что случилось после, ей трудно было представить и увидеть в самом страшном сне, отчего хотелось уснуть и больше не просыпаться. И она прикрыла глаза в желании отстраниться от всего происходящего с ней.

Споткнувшись о камень на мостовой, Мари чуть не упала. Она резко открыла глаза. И смогла устоять – и она устоит, подумалось ей. Она будет бороться и всю свою жизнь будет стремиться в Ольденбургское поместье – домой. Пусть Бог будет свидетель – она увидит своих детей и своего мужа, она не сдастся!

---

³ Вставай, Френсис! (фр.)

Мари наклонилась вперёд и пожала холодную словно лёд руку Френсис. Та в ответ ухватила за руку Мари, будто та была её последней надеждой в этом мире. Мари, обняв девушку за плечи, поддерживая свою слабую подругу, почувствовала себя ещё более сильной.

Тем временем они приблизились к мраморной галерее-портику, примыкающей к роскошному зданию, на первый взгляд напоминавшему храм. Но, глядя на происходящее, Мари понимала, что этому месту было далеко до дома Божьего.

Женщины со всех кораблей яркими колоннами друг за другом стогнялись, как стада животных, к белокаменному зданию, окружённому бесконечной галереей. Огромных размеров арена имела только куполообразную крышу, которая и держалась благодаря колоннам, составляющим окружающую галерею.

В центре арены стояли деревянные самодельные загоны, как для крупного скота. Распределив невольниц по небольшим группам, крупный чернокожий мужчина стал загонять пленниц в эти нехитрые сооружения. Группу женщин, в которую попали Мари и Френсис, сразу же повели в центр арены, где был установлен деревянный помост.

«Отсюда-то и ведутся торги, здесь будет решаться дальнейшая судьба...» – уже совершенно спокойно подумала Мари и подняла глаза к небу, после чего, опустив голову, встретилась взглядом с широко раскрытыми глазами подруги-француженки.

– Мне страшно, Мари, – еле слышно прошептала та одними только мертвенно-бледными губами.

– Не переживай, Френс! Я...

Мари не успела договорить: чьи-то руки, унизанные многочисленными перстнями с драгоценными камнями, выхватили девушку и, легко подняв её на помост, с силой подтолкнули к центру.

Мари только и оставалось, что молиться, чтобы силы не оставили подругу и чтобы та не упала в обморок.

Следом за Френсис на помост поднялся и торговец. Самоцветные камни его колец ослепительно засверкали на ярком солнце. Он положил свою руку на хрупкое плечико Френсис, при этом выкрикивая шумной толпе о прелестях и достоинствах данного товара. В один момент торговец стянул с Френсис её легкую тунику. Девушка, без того дрожа всем телом от страха, теперь уже от стыда и унижения, рыдая, забилась в мучительных конвульсиях, пытаясь прикрыться тонкими белыми руками.

В этот момент толпу невозможно было унять. Точно обезумев от похоти и азарта, мужчины стали напоминать свору волков. На противоположном конце помоста от Мари даже завязалась нешуточная драка. Кого-то из присутствующих ударили ножом, и пострадавший визжал и катался от боли, заглушая торговца, продолжавшего бодро и громко выкрикивать цену. Слава богу, Френсис этого уже не видела и не слышала, поскольку Господь пощадил её и она всё-таки лишилась чувств.

Торговец, еле успев подхватить её, накрыл фигурку француженки своим шёлковым плащом и, передав её тело в руки стоявшего рядом огромного евнуха, успел что-то быстро шепнуть ему, пользуясь случившимся общим замешательством.

Толпа разгоряченных и возбуждённых увиденным мужчин протестующе взывала. Видимо, торговец решил приберечь прекрасную уроженку Франции для себя или для более выгодной сделки. Толпа этого явно не одобряла и стала швырять в торговца всем, что нашлось под рукой.

Но, вскинув ладони вверх в известном призыве, торговец смог что-то громко выкрикнуть, и толпа, словно по команде, тут же стихла.

Мари не сразу поняла, как в одно мгновение и она очутилась на месте Френсис. Тишина стала почти осязаемой. Все глаза присутствующих устремились на Мари, потенциальные покупатели, с жадностью рассматривая и беспардонно оценивая её, словно онемели на время.

Не в состоянии более переносить этот позор, она вдруг ощутила слабость и дрожь в ногах. Обессиленно опустившись на пол, Мари всем телом почувствовала жар и смрад, исходивший от шершавых досок помоста. Ей хотелось плакать, но она не могла себе этого позволить. Нет.

«Нет!» – жестко приказала она себе и, выпрямив спину, спокойно поднялась. Что бы ни произошло, как бы ни было невыносимо, она должна оставаться сильной. Никто не должен видеть её слез и страха. Устремив невозмутимый взгляд вдаль, Мари гордо расправила плечи. Она приказала себе думать, будто это не она сейчас стоит в центре двора на невольничьем рынке, будто это всё происходит не с ней и она выше этого ужаса. Краем глаза Мари заметила, что в центре арены были выстроены другие такие же помосты и на них друг за другом выводят невольников... Молодых людей, многие из них были совсем ещё дети. Они торговали детьми! Зрелище противоестественное и отталкивающее.

Тишина становилась гнетущей. Мари вдруг почувствовала на плечах ловкие руки торговца, одним движением снявшие с неё тунику. Лёгкая ткань слетела с плеч, и женщина оказалась обнажена до пояса.

От неожиданности Мари ахнула и инстинктивно притянула руки к груди, стараясь прикрыть себя, отступив на шаг.

В этом незащитном и непроизвольном движении она, сама того не подозревая, являла собой прекрасное зрелище.

По толпе пробежал восхищённый ропот. Волна возбуждения и похоти всколыхнула и вновь взорвала голоса и крики торговцев. Жадные масляные взгляды обжигали белую кожу Мари сильнее ярких лучей нещадно палящего солнца.

Мари с ужасом и внутренним содроганием встречала каждый взгляд и каждый возбуждённый выкрик.

– Кто больше? – кричал торговец и повторял призыв на разных языках.

Цена возрастала с невероятной скоростью. Слова, звучащие по-французски, по-итальянски, по-гречески, с трудом доходили до сознания Мари. Она не могла уследить за происходящим, всё пролетало молниеносно.

– Тридцать тысяч! – донеслось откуда-то из толпы.

– Тридцать тысяч пятьсот, – тут же чей-то голос перебил предыдущий.

Мари паническим взглядом попыталась определить выкрикнувшего, но её взгляд непроизвольно метнулся в другую сторону, откуда донеслось:

– Сорок пять!

– Кто больше? – подбадривал торговец и без того бушевавшую толпу.

– Пятьдесят тысяч, – отчаянно бросил тёмный как ночь мужчина.

Не сводя своих оливковых глаз с Мари, он хищно улыбнулся и уж было начал принимать поздравления от обступивших его друзей.

Вновь воцарилась тишина, но на этот раз надолго.

Мари перевела отчаянный взгляд на торговца, а он, хитро подмигнув, промолвил на французском, но так тихо, чтобы только она смогла услышать:

– Он тебя не получит. Я намерен взять гораздо больше... Такие девушки, как вы, ты и белая французенка, – отборный и редкий товар.

Мавр заворожено глядел на пленницу. Его пухлые губы дрожали, и временами он глубоко и порывисто дышал. Его дыхание и вовсе остановилось, когда торговец, приблизившись к его покупке, одним движением стянул с неё тунику. Лёгкая ткань заструилась по бёдрам Мари и упала к ногам тонкой трепещущей лужицей.

Она с ужасом смотрела в глаза темнокожего мужчины и видела – нет, она чувствовала, как порыв неудержимого вождения, а позже и озлобленности сотряс всё его громадное тело.

Мари била мелкая дрожь, и долго сдерживаемые слёзы прохладными ручейками заструились по её лицу. Тем не менее она высоко держала голову и, встретив обезумевший взгляд мавра, ещё выше вздёрнула подбородок.

Каждый присутствующий мужчина мечтал овладеть ею, покорить ту гордость и неприступность, что так явно и вызывающе горели во влажном взоре женщины. Замерев подобно античной статуе, она сделала над собой усилие, чтобы успокоить дрожь в теле, затем устремила отрешённый взор поверх разгорячённых голов. Отчаяние и стыд точно пригвоздили её к месту, сделали глухой и слепой ко всему, что происходило вокруг.

– Семьдесят... Семьдесят пять... – доносилось до утомлённого разума Мари.

– Кто больше? Кто больше?

Вновь завязалась драка. Мужчины, рыча и выкрикивая ругательства, превращались в свору голодных псов, делящих загнанную на охоте добычу. Более не выдержав, Мари спрятала своё заплаканное лицо в ладони и тихо опустилась на помост.

Мужчины уже не замечали её, их обуяла жажда иного рода. Каждый хотел быть победителем в этой схватке. Быть первым, лучшим и возвысить себя за счёт этого приобретения в глазах других.

И вдруг настало молчание. Оно было таким долгим и таким пугающим, что Мари невольно подняла голову. И от увиденного она на мгновение забыла, как дышать, едва не потеряв сознание.

Сквозь расступаящуюся как по волшебству толпу к подмосткам для торгов приближался мужчина. Он был одет во всё чёрное, и шёлковый длинный плащ блестел и развевался за его могучими плечами. Пройдя площадь лёгким шагом пантеры, снисходительно улыбаясь, он приблизился к возвышению.

Мари, ни на секунду не отрывая от него своего взгляда, тотчас же его узнала.

Наконец он тихо и спокойно произнёс:

– Сто!

– Кто осмелится дать больше? – покорно улыбаясь, прошептал торговец и тут же прибавил: – Продано за сто тысяч!

Тишина продолжилась.

Мари почувствовала прикосновение холодного шёлка и поняла, что её накрыл своим плащом покупатель. Тёмная ночь, подобно этому плащу, опустилась на Мари. Рывком поднявшись со своего места, она размахнулась и яростно отвесила звонкую пощёчину тому, кто только что купил её, кто заплатил за неё такие деньги, на которые можно было купить целый дворец.

Никогда в жизни она не забудет того позора и унижения, которые пришлось ей испытать.

– Я рад вновь видеть вас, Мари, – ни малейшим образом не отреагировав на пощёчину, спокойно, с достоинством произнёс мужчина.

– Для вас я княгиня! Княгиня Ольденбургская! – яростно прошептала Мари, пытаясь сдержать вновь подступившие слёзы.

Мужчина загадочно улыбнулся и произнёс с необычайной мягкостью и долей сочувствия:

– Вдовствующая княгиня Ольденбургская.

Мари пошатнулась. Из уст её вырвался пронзительный крик. Крепкие руки тут же подхватили её, не позволяя упасть на грязные доски. Благословенная темнота поглотила разум Мари.

Глава 1

Мари было очень тяжело дышать, она слышала шум собственного дыхания, он сливался с посторонним однообразным звуком, монотонным и не прекращающимся ни на секунду. Ей хотелось остановиться, оглядеться, понять происхождение этого чудовищного звука, но она не могла этого сделать, неведомая сила её тянула вверх. Она медленно поднималась по туннелю, шла, задыхаясь, сквозь густую тьму, сражаясь с желанием спрятаться, забиться в уголок, свернуться от обрушившегося на неё страха в комочек. Впереди виднелась полоса света, она манила, давала надежду, и, приближаясь к ней, Мари теряла силы. От этого она приходила в отчаяние и снова и снова собирала крупички оставшейся воли, пытаясь хоть немного приблизиться к этой линии, за которой была неизвестность. Этот манящий свет страшил, и она чувствовала, что там её ожидает нечто ужасное. Неожиданно огромная мужская тень появилась в лучах света, он резко протянул руку Мари, она от неожиданности и страха закричала отчаянно, неистово – и пришла в сознание.

Очнувшись от забытья, Мари медленно обвела недоумённым взглядом комнату. В первое мгновение ей показалось, что она пробудилась от дурного сновидения и вновь очутилась в уже ином, теперь уже сказочном сне.

Мари изумилась роскоши и пестроте окружавшего её интерьера. Блестящие мраморные полы изумительного цвета, яркие, искусно вытканые гобелены, на которых были изображены невиданные птицы, толстые ковры, сверкающие, словно драгоценные камни, стёкла в огромных позолоченных рамах. Это был скорее дворцовый зал, нежели гостиная или спальня. Повсюду стояли изысканные вазы из византийского стекла, а в них красовались благоуханные букеты прекрасных цветов, которых Мари прежде и не видала.

Так всё сверкало, блистало, что у Мари заболели глаза от созерцания окружавшего её величия, и женщина даже прикрыла глаза, чтобы дать им отдых.

– Как долго вы не приходили в сознание, – послышался низкий хриплый голос где-то у изголовья Мари. – Я уж было начал беспокоиться о вас, моя драгоценная.

Мари попыталась отыскать глазами говорившего с ней. Найдя, она лишь удивлённо моргнула, когда встретилась с пронизательным взглядом обладателя этого мелодичного голоса. Его медленные, чуть ленивые интонации, присущие уроженцам юга, рождали в её сердце беспокойство, близкое к страху. Когда он обращался к ней, по спине пробежала дрожь. Она чувствовала себя совершенно потерянной, незащищённой.

Ироническая складка залегла у его губ, когда мужчина доброжелательно улыбнулся. Эта улыбка, неожиданно осветившая его пасмурное лицо, заморозила Мари и в то же время заставила содрогнуться.

Тем не менее Мари поспешно поднялась на ноги и, стараясь не выказывать своего страха и отчаяния, произнесла:

– Это вы! Я узнала вас!

Эта живость со стороны собеседницы восхитила мужчину. Он снова приглушённо засмеялся и закашлялся:

– Я польщён, моя драгоценная...

– Не смейте так обращаться ко мне! – осадил его Мари.

– Я позволю себе предложить вам несколько платьев, – чуть смущённо продолжил он. – Смею надеяться, они вам будут впору.

Только теперь Мари обратила внимание, что её наготу лишь слегка прикрывал шёлковый плащ её собеседника. Блестящая материя в момент её гневного порыва успела соскользнуть, открывая взору всё то, что не позволяли демонстрировать приличия.

Сжав ткань в ладонях, Мари яростно запахнулась, натянув края плаща достаточно высоко, до подбородка, и, ничуть не смутившись, продолжила:

– В тот вечер у Имперского театра! Это были вы! И в день венчания моей падчерицы вы тоже со мной говорили!..

Она его вспомнила! В тот злополучный вечер, когда Мари видела мужа в последний раз, турецкие наёмники под предводительством именно этого человека похитили Влада. По предположению Щербатского, друга Мари и её похищенного супруга, именно за его головой, головой Вольфа Щербатского, охотился турок, но, перепутав, ошибочно принял за него Влада, и того погрузили на судно и отвезли в Константинополь. Вольф Щербатский прогневал одну из влиятельных наложниц гарема османского паши, и теперь за это поплатился своей жизнью Влад – муж Мари.

Голос женщины сорвался, и она перешла практически на шёпот. Сама не веря своему отчаянному тону, Мари произнесла:

– Я прошу вас, Ариф, скажите, где мой муж?

Смахнув катившиеся по щекам слёзы кулачком, завёрнутым в щёлк плаща, она продолжила:

– В тот вечер вы ошиблись и похитили не того человека. Сетеней приказала вам доставить ей Соловья, но мой муж не Титулованный Соловей, вы ошиблись. Прошу вас...

Ариф молча смотрел на неё, и его лицо приняло устрашающе грозный вид. От прежнего добродушия в глазах не осталось и следа.

– Прошу... – уже настойчивее произнесла Мари.

– Я уже сказал вам, – сухо ответил он.

– Я вам не верю... Это не может быть правдой...

Мари медленно осела на ковёр, почувствовав, как равнодушие и бессилие в один миг завладели её душой и телом.

– Вашего мужа, князя Ольденбургского, нет среди живых. Да упокоит Аллах его душу.

– Вы убили его?

– Нет. Я доставил князя к госпоже Сетеней.

– Тогда почему вы уверяете меня в том, что он мёртв?! – не выдержав этой пытки, словно простонала Мари.

Подойдя, мужчина протянул ей руку и в мягком, но приказном тоне произнёс:

– Поднимитесь.

Она встала, бессознательно подчинившись ему. Он отвёл волосы, в беспорядке свисавшие на её лицо, и ласково погладил по щеке.

– С этого момента у вас, моя драгоценная, начнётся новая жизнь. Вам придётся позабыть всё, что было до этого момента. Вы – сильная женщина. Я не мог в вас ошибиться. В противном случае моя ошибка мне будет дорогого стоить.

Мари подняла на него свой взор, в котором в полной мере отразилось непонимание происходящего и сказанного этим человеком, который причинил ей столько горя.

– Я вижу в вас наше будущее, – с загадочной улыбкой произнёс он. – Но сейчас вам нужно прийти в чувства и привести себя в порядок. Я обещаю вам, что в мельчайших подробностях расскажу вам обо всём, что знаю о князе.

Мари сделала вдох, и слова уже были готовы сорваться с её губ, но он остановил их мягким жестом, указательным пальцем прикоснувшись к её губам.

– Нет, моя дорогая. Не сейчас и не сегодня. Вы должны мне пообещать, что будете умницей и у нас не возникнет проблем и разногласий...

По её испуганно-гневному взгляду мужчина понял ход её мыслей и тут же прибавил:

– Нет-нет... Я не имел в виду то, о чём вы сейчас подумали. В моём гареме достаточно женщин, хоть вы и бесценный экземпляр. Вы нужны мне для иных целей, более значимых,

нежели мои плотские наслаждения. Но об этом позже... А сейчас я прошу вас – выберите себе платье.

Он указал ей на четырёх невольников-мальчишек, державших роскошные наряды и драгоценности.

– Я прошу вас, без промедлений и колебаний. Вы также должны поужинать – и нам предстоит долгий и серьёзный разговор.

Она всё ещё молчала, тогда он продолжил:

– Я бы посоветовал вам вот это платье из мягкой парчи. Несмотря на дневную жару, вечера здесь вполне прохладные. Вам будет удобно и уютно, если можно так выразиться.

Мужчина щёлкнул пальцами, и мальчишка, что держал выбранное хозяином платье, подскочил к Мари.

Дрожащей рукой она безвольно провела по нему, ощущая пальцами мягкость и нежность тёмно-красной ткани.

Как же она устала! Она устала от голода и холода, от того кошмара, что преследовал её в течение последних месяцев! Боже! Она даже не знала, какой сегодня день, месяц и где она! А самое главное, она не могла ответить на, казалось бы, простой вопрос – что с ней будет? Вернётся ли она когда-нибудь домой и увидит ли вновь своих детей, своих драгоценных мальчиков?!

«О, Пьер... О, мой маленький Александр...» – болью пронзил внутренний голос, и на глаза вновь навернулись слёзы.

– Вижу, что вас преследуют тяжёлые мысли и вы вновь погрузились в отчаяние, – привлекая её к себе, точно малое дитя, попытался утешить Ариф. – Я ещё раз вам объясню, моя отважная княгиня... Если вы поможете мне, то я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь вам.

Отстранившись, подняв голову с его груди, Мари заглянула ему в глаза:

– Вы поможете мне вернуться домой?

– Нет, – тут же ответил он.

– Тогда я не стану вам помогать.

– Напрасно, – улыбнулся он. – У вас есть два пути: выжить и стать могущественной женщиной, позволяющей себе любую прихоть, или... умереть.

Последнюю часть фразы он произнёс с более яркой, чарующей улыбкой.

– Выбор за вами, моя прекрасная.

Ариф вновь щёлкнул пальцами, и к нему подскочил паж, державший в руках небольшой ларец, из которого турок вынул великолепное кольцо, состоящее из рубинов.

Лёгкими движениями, перекинув волосы Мари ей на плечо, он приложил к её шее кольцо и произнёс:

– Вы станете владычицей всех богатств Константинополя и покорительницей сердца нашего султана.

Мари услышала, как в его пальцах щёлкнула застёжка.

И поскольку гостя хранила молчание, он добавил:

– Я знаю, чего вам хочется. Сейчас лакомства и все наслаждения мира вас не соблазняют. Вам хочется только одного – поплакать.

И точно под воздействием невидимых чар, словно по его щелчку, тело Мари вздрогнуло, и к горлу подкатилась горошина, наполненная горячими слезами. Всё для неё вокруг превратилось в туман. Она задыхалась от рыданий, как никогда в жизни. Ариф бережно держал её за плечи. Точно безвольная кукла, она отдалась его рукам, и жаловалась, и бормотала безумные слова, и спрашивала сквозь слёзы, и он на всё отвечал: «Да, да, драгоценная», – пока она малопомалу не успокоилась и не перестала всхлипывать.

Появились многочисленные подносы с фруктами и сладостями. Невольники ставили их прямо на толстый ковёр, раскидав по краям разноцветные подушки.

– Давайте отужинаем, – предложил Ариф и за локоть провёл Мари к богато накрытому столу на ковре. – Желаете ли освежающих сочных фруктов?.. Или десерт из орехов? Считается, что сладкое поднимает настроение исключительно у женщин, – улыбнувшись, прибавил он. – Но прежде всего давайте выпьем одного бодрящего напитка. Уверен, вы его ещё ни разу не пробовали, – предположил он, усадив Мари на одну из подушек и протянув ей хрупкую фарфоровую чашечку с подноса, стоявшего на низеньком столике.

– Нет ничего лучше, чтобы развеять тоску и укрепить измученное сердце. Вы чувствуете этот богатый, сложный аромат, моя дорогая? Этот напиток обладает стойким характером и вселяет уверенность в позволившего себе насладиться им. Почувствуйте его увертюру, а далее насладитесь его симфонией, сделав первый глоток.

Мари приняла чашечку и пригубила обжигающий напиток. Вкус оказался довольно странным, но приятным. Ни с чем не сравнимым.

– Что это? – поинтересовалась Мари.

– Кофе.

– Сложный вкус, – заключила Мари и сделала ещё глоток, и у неё внутри словно прокатилась волна, принося с собой покой и расслабление, чего не происходило с ней долгое время.

– Характер во вкусе может меняться по мере остывания, – продолжал мягким успокаивающим голосом Ариф. – Например, в горячей чашке будет тёмный виноград или какао, а в тёплой – горький шоколад, но с оттенком красного винограда. Но в обоих случаях всегда будет продолжительное, насыщенное восхищение вкусом.

Мари допила до дна чудесный напиток и почувствовала голод. Как ей подсказывали пережитые дни, впереди у неё нелёгкий и сложный путь. Ей действительно следовало подкрепиться. Все предшествующие недели, проведённые на борту судна торгующего рабами, она практически ничего не ела.

Вот и сейчас по её нутру прокатились судорожные волны, вызванные голодом, и оно призывно заурчало, напоминая о неотъемлемых человеческих потребностях. Она была страшно голодна.

Мари окунула пальцы в воду для ополаскивания рук с лепестками жасмина и, не дожидаясь особого приглашения, потянулась к дальнему подносу, на котором, по её мнению, была более-менее подходящая её вкусу еда.

– Ах, моя дорогая, – остановил Мари нарочито неодобрительный голос Арифа.

Она замерла.

– Во время трапезы принято брать только те блюда, что находятся в пределах досягаемости, а не тянуться за любимым блюдом на другой конец стола. И следует пробовать всё понемножку. Можете считать, что это первое моё наставление вам.

Мари выпрямилась и взяла с подноса, что стоял у самых её ног, кусочек какого-то экзотического фрукта. Положив его в рот, Мари ощутила яркий и сочный вкус, схожий с цветом самого фрукта – ярко-жёлтым.

– Это был ананас, – насмешливо произнёс Ариф.

– Вкусно, – прожевав, кивнула ему Мари.

Вся еда оказалась очень вкусной и приправленной экзотическими специями, которыми Мари искренне наслаждалась. Напиток из лайма и мятный шербет позволили утолить жажду сполна. Помимо уже привычного мяса с пряностями, именуемого кебабом, и освежающих сочных фруктов было множество закусок, называемых мезе. Мари очень понравился хавуч эзмеси – крем из сюзме йогурта и мелко натёртой моркови, лимонного сока, соли, перца и оливкового масла. А ещё небольшие запечённые турецкие рогалики с начинкой из сыра, зелени и специй.

Так называемая долма – начинённые рисом и мясным фаршем листья винограда – остро напомнила Мари домашние голубцы, которые особо удавались кухарке Ольденбургского поместья, Нееле Ануфриевне, поэтому именно долма более всего пришлась женщине по вкусу. Она наслаждалась едой и этим мгновением. Никогда прежде Мари не задумывалась над тем, что простые вещи, такие как обычная еда, могут приносить если не радость, то успокоение, как это происходило в её случае.

Восседая на подушках, словно шахиня, окружённая подносами со всевозможной едой восточной кухни, Мари не теряла манер, присущих особе из аристократического общества русского дворянства. При этом, не вспомнив о чаше с жасминовой водой и не отыскав салфетки, она облизала пальцы после пышной трапезы и чуть откинулась на ворох подушек позади неё.

Ариф наблюдал за ней, в очередной раз думая, сколько же в ней противоречий. Он сам не понимал, почему она так его притягивает и почему его выбор пал именно на неё. Ещё тогда, в далёкой России, когда он впервые увидел княгиню, мысль о том, что она могла бы очаровать любого мужчину, зародилась в его голове.

– У вас такие красивые ковры, – непринуждённо и сонно заметила она, отвлекая Арифа от раздумий и планов на её счёт.

– Это моя страсть.

– Вот как, страсть...

Ариф прикусил губу.

– Единственная... – Не получив никакого ответа, он сделал паузу, а затем продолжил:

– Больше всего я люблю зелёный молитвенный коврик, что есть в моей спальне. Один мастер ткал его всю жизнь. Вплёл любовь к жене в свой ковёр, в своё произведение искусства. А пока он работал, жена обманывала его со своим любовником.

– И что же было потом? – слышался тихий голос засыпающей Мари.

– Название «гарем» происходит от слова «харим» – отделённое, запрещённое. В нашей стране муж – это повелитель. За нарушение закона и предательство своего повелителя следует смертная казнь.

Сон Мари тут же улетучился. Она ошеломлённо переспросила:

– Казнят за измену?!

– Что вас удивляет, мой северный цветок?

– В кругах высшего света, где мне приходилось вращаться, в моей стране, мало бы осталось дам. Это негуманно и бесчеловечно! – заключила она.

Ариф на это громко расхохотался.

– Я в вас не ошибся! Рассуждать о гуманности женщине гарема недозволительно, тем более если она совершила подобный грех.

– Женщине придётся самой жить со своим грехом, но лишать жизни? Это по крайней мере несправедливо. Мужчин, как я предполагаю, эта страшная участь не постигает?

– Почему же... Человек, выткавший тот самый ковёр, был знатным вельможей, очень уважаемым человеком... Узнав об измене своей любимой жены, он наказал и её и любовника...

– Ариф умолк, ожидая последующих вопросов собеседницы.

Мари продолжала хранить протестующее молчание, выказывая тем самым своё несогласие, тогда он продолжил:

– Её любовником оказался молодой лавочник еврейского происхождения. Красавец. Провинившейся супруге назначили страшную казнь. Замечу, что данная мера наказания использовалась всего лишь однажды за всю историю империи, но потрясла всех. Женщину закопали по пояс в землю, и обычные люди закидали её камнями, доведя тем самым до смерти. Глашатаи разнесли приговор по всему городу. Поэтому казнь бедной женщины состоялась при огромном скоплении народа на площади. В это время её любовник был среди этой толпы, так

же как и её обманутый муж... Испуганный юноша принял ислам, но это не спасло его от рук палача. Его четвертовали.

После длительного молчания Мари всё же спросила:

– Для чего вы мне всё это рассказали?

– Это вам мой следующий урок, совет, наказ... Воспринимайте как сочтёте нужным.

Ариф поднялся со своего места и, приложив пальцы к губам, а затем ко лбу в грациозном арабском жесте прощания, покинул покои своей подопечной.

* * *

На следующий день Мари проснулась довольно рано, несмотря на то что ещё долго не могла сомкнуть глаз после ухода загадочного и пугающего Арифа. Мари представляла себе ту глубоко несчастную женщину, которая имела несчастье влюбиться... «Или она имела несчастье родиться не в той стране?» – размышляла Мари.

Бедный мужчина, что предался минутам, быть может, и часам страсти с этой несчастной! За это на его же глазах возлюбленную лишили жизни... Да ещё таким жестоким способом! И бедный преданный мужчина, который взял на душу столь тяжкий грех, выбрав такую безумную месть. Именно безумную! Другого слова Мари не могла подобрать.

«Интересно, – подумалось Мари, – как Арифу достался столь драгоценный ковёр, в который страдалец воткал свои душевные муки и свою боль».

Но Мари не успела ответить себе на этот вопрос. Она крепко уснула.

Пробудившись с пением первых птиц, Мари в сопровождении двух мальчишек-невольников направилась в купальню.

Это было её последним стремлением, для того чтобы вновь почувствовать себя – хоть на мгновение – женщиной. О лохани с горячей водой Мари буквально мечтала весь последний месяц.

Женщин, перед тем как отвести на невольничий рынок, конечно же, облили пару раз из кадки. Но это была холодная морская вода. Соль под воздействием лучей раскалённого солнца превратилась на коже Мари в белую сухую корку, отчего зуд был практически нестерпим. И вот теперь возможность принять горячую ванну казалась Мари каким-то подарком, милостью судьбы.

Торопливыми шагами войдя вслед за своими провожатыми в купальню, Мари остановилась в изумлении и замерла.

Стены просторной купальни были покрыты зеркальной плиткой, отчего она казалась гораздо больше. Потолок над утопленной в пол глубокой белоснежной ванной представлял собой высокий стеклянный купол, инкрустированный под звёздное небо полудрагоценными камнями. Прежде Мари никогда не видела подобного. Мальчишки учтиво поклонились и вышли, оставив её одну в этом, казалось, волшебном месте.

Мари скинула платье и, быстро спустившись по пологим ступенькам, погрузилась в тёплую ароматную воду. Аромат корицы и ещё какой-то ярко-сладкий запах окутали Мари, и она блаженно прикрыла глаза.

В отличие от деревянной бадьи, которой она пользовалась дома в своём поместье, эта ванна была глубокой и просторной. В ней можно было вытянуться во весь рост и смотреть, как подмигивают на потолке серебристые звёзды, и, представляя себя принцессой далёкой, невиданной страны, запросто забыться и решить, что это просто сказка.

Мари наконец расслабилась. Ей впервые ни о чём не хотелось думать, но сами собой в голове стали возникать виды Ольденбургского поместья. Музыкальный зал и Кити, её падчерица, играющая любимую сонату Мари... Тёплую уютную кухню с запахами корицы и яблок, своих любимых сыновей и... И его. Почему-то Мари всегда представляла себе Влада таким,

каким увидела его впервые, горделиво скучающим в своём кабинете. Тогда он был для неё чем-то невозможным, недостижимым и ужасно привлекательным. Мари улыбнулась своим мыслям, и одинокая слеза, скатившись по её щеке, упала и растаяла в благоухающей воде. Мари глубоко вдохнула и погрузилась с головой на дно ванны вслед за своей полной горечи слезой.

Чьи-то цепкие руки впились ей в плечи и силой вытащили на поверхность. Отфыркиваясь от воды и стараясь глотнуть воздуха, Мари, протерев глаза, уставилась на небольшого круглого мужчину.

– Вы кто такой? – продолжая откашливаться от воды, с трудом выговорила она.

– Аллах вас покарает, госпожа! А если бы не Паскаль?! Как же вы... Зачем же? Лишать такой красавиц без жизни?! Нельзя!

– Кто вы?! – вновь спросила Мари, ещё больше негодуя, повышая голос.

– Я Паскаль, госпожа. Я ваш личный слуга и готов за вас отдать жизнь. Госпожа очень нравится хозяину... И Паскаль будет иметь много *bahşışii*⁴. Если госпожа не будет глупа как курица и не наделает глупость! И не испортит Паскалю жизнь!

Мари была изумлена тем, что темнокожий женоподобный мужчина разговаривал на её родном русском языке и владел им так хорошо, что отчитывал её как девочку, только не было возможности понять, за что!

А мужчина продолжал, ещё больше нагнетая, в своей истеричной манере:

– Женщины многое бы отдали за такое тело и волосы, как у вас, а вы это не цените. Не цените жизнь, что дарована вам Аллахом.

Вдруг ей это стало напоминать смешную пьесу, в коей и ей невольно пришлось принять участие, помимо этого комичного пухлого героя, говорящего на русском языке, что в глубине души вызывало тихую радость. Однако Мари никогда не принимала ванну в чьем-то присутствии и не собиралась делать этого и теперь.

– Выйдите вон, – вскрикнула она.

– Ну уж нет, – уже просто натурально завизжал евнух. – Я не позволю вам сделать это *kirli davranışiia*⁵!

– Входить к женщине в купальню – это неприлично. Совершенно неприлично!

– Я ваш слуга, и здесь это хорошо. Вы теперь в других краях и должны придерживаться местных обычаев. Я приставлен к вам в качестве личного слуги. У каждой жены нашего повелителя есть свой собственный евнух, не считая служанок. Я буду для вас надёжной охраной, – гордо заметил Паскаль. – И не переживайте за свои прелести, мне до них и дела нет!

Сказав это, толстый евнух куда-то пропал на мгновение и, вернувшись, поставил на низкий столик серебряный поднос с хлебом и фруктами.

– Я буду о вас заботиться, холить ваше тело и лелеять вашу душу, – добавил он, выпрямившись. – После того как вы утолите первый голод, госпожа, я натру вас маслами и сделаю *hoşiv*⁶.

Мари сказанные слова привели в замешательство, но, придя в себя, она смело обрушила на несносного евнуха потоки воды из своей ванны.

– Убирайтесь прочь! – кричала она, окатывая его волнами и брызгами. – Вон!

На крики женщины прибежала стража, охранявшая покой и порядок гарема. Теперь уже те же слова проклятия, но только на турецком языке, в адрес стражей кричал Паскаль.

– *Hadi gidelim! Burada yalan söylemeye cesaret etme! Lanet olası kafaların seni uçuracak!*⁷

⁴ Бакшиш (тур.) – чаевые, пожертвование, а также разновидность некоторых форм коррупции и взяточничества.

⁵ Грязное дело (тур.).

⁶ Приятно (тур.).

⁷ Пошли прочь! Не смей сюда приближаться! Вам снесут ваши чёртовы головы!

Мари выскочила из уже совсем остывшей воды и, определив из двух зол меньшее, стала прикрываться своим злополучным слугой словно ширмой, встав за его спину.

Её женоподобный визгливый щит вдруг превратился в грозного охранника. Мари показалось, будто он стал на голову выше и шире в плечах в этот момент.

Скинув с себя атласный халат, он укрыл дрожащую всем телом Мари и, выкрикивая приказы, стал кидать в двух ошеломлённых охранников фрукты с подноса.

– Пошли вон! Псы вонючие!

Когда же в этой непростой схватке Паскаль вышел победителем и недоумевающая стража покинула купальню, он, широко улыбаясь, повернулся к Мари и произнёс:

– Паскаль вас от всего спасёт, моя госпожа.

– Отвернитесь, – тут же приказала ему Мари. – Если бы не вы...

– Если бы не я, вы бы были уже в ином, к несчастью моему, мире.

– Я ничего подобного не собиралась делать. С чего вы вообще это взяли?!

– Ну конечно... Конечно... – шурясь и хитро улыбаясь, протянул евнух.

– Оставьте меня в покое!

– Я не смею! Господин подарил вам собственного слугу, – и Паскаль гордо указал на себя. – Это говорит о том, что он особо к вам расположен. И поверьте, госпожа, я вам нужен. Я единственный из слуг, как вы уже заметили, знающий ваш язык. А ведь когда-то он был родным и для меня, пока турки не напали на наше село, и тогда мне повезло больше, чем другим. Мне ведь сохранили жизнь, правда, пленили и привезли сюда. Поверьте мне. Я вам многое объясню и покажу, и вам будет хорошо.

Прикрыв глаза от бессилия, Мари с тихим стоном выдохнула:

– Тем не менее я не намерена каждый раз мыться в присутствии мужчины.

– Госпожа, не волнуйтесь, – успокоил её Паскаль. – Меня приспособили к такой службе очень давно. С тех пор у меня нет никаких склонностей, присущих мужчинам. Я нахожусь здесь для охраны госпожи и чтобы ей прислуживать. И ни для чего более.

Мари и прежде слышала о варварских обычаях заморских народов. Они выкрадывали женщин, делая из них наложниц гаремов, похищали детей, калечили, превращая в евнухов, пригодных для служения в своих роскошных, дорогих дворцах. Мари смотрела на слугу, и ей не хотелось верить во всё, что сейчас она услышала, это её потрясло.

– Большая часть здешней челяди вроде меня. Только в конюшне работают несколько неоскопленных мужчин. Нам же не хочется, чтобы кто-то из них случайно зашёл сюда без разрешения, когда госпожа купается? Поэтому я здесь.

Паскаль подал Мари шёлковую рубашу, что предусмотрительно приготовил для неё.

Мари продолжала смотреть на него с сочувствием и недоверием – вдруг всё, что он рассказал о себе, было хитрой уловкой?

– Ну же, – продолжал уговаривать евнух. – Вы замёрзли, и если вы простудитесь, Паскалю снимут его мудрую и красивую голову.

– Отвернитесь, – выхватив из его рук рубашку, приказала она.

Тот с недовольством повиновался.

– Всё равно, по-моему, это как-то неестественно, – прошептала она, продолжая бросать на его спину строгие взгляды.

– О, это так и есть, – ответил Паскаль с подкупающей искренностью. Он протянул руку и подал Мари тунику с изумрудным отливом. – Евнухами не рождаются. Их такими делают. Кому повезло, как мне, те становятся евнухами, как я вам уже говорил, в совсем юном возрасте. Невозможно тосковать по тому, чего никогда не имел.

– А другие? – Мари взяла из его рук тунику и, быстро накинув, застегнула все крючки до последнего.

Паскаль выразительно пожал плечами.

– Вы готовы? – ответил вопросом на вопрос он.

– Да. Можете повернуться.

Слушая ужасающие истории о судьбах беспризорных мальчишек на Востоке, Мари никогда не воспринимала это как реальность. Да и вообще всё, что с ней происходило в последнее время, несколько отличалось от её прежней жизни. Порой ей казалось, что она так и не очнулась от странного и невероятного сна. И в этом Мари убеждалась всё больше и больше, размышляя, пока Паскаль вёл её по запутанным коридорам мимо бесчисленных стражников в белых халатах и белых куфиях⁸ с красным орнаментом. Не прикрыв лицо вуалью, как подобало женщинам этого края, она шла с опущенными глазами. Мари думала – неужели этим мужчинам нет никакого дела до женщин? Просторное лёгкое одеяние, что было на ней, было удобным, и его было приятно носить. Но оно обволакивало женскую фигуру и струилось красивыми складками, практически не скрывая тела.

– Вы очень соблазнительны в палле⁹ этого цвета, – словно прочитав мысли Мари, произнёс Паскаль. – Господин не скупился на подарки и выбирал ткани и цвета, которые вам очень идут.

Третий этаж великолепного дома Арифа занимали исключительно женщины и их слуги. Полностью закрытый коридор вокруг двора проходил по внешней стене и имел узкие окна без стёкол. По этому коридору женщины имели права передвигаться только в сопровождении слуг и строго с закрытым лицом. Из женских покоев можно было выйти лишь по одной лестнице, проходившей через личные покои Арифа. И та же лестница вела в чудесный сад, который располагался на крыше.

Ариф ждал Мари именно там. Он хотел поразить её потрясающей панорамой великолепного Константинополя в тихом свете восходящей луны.

Когда Паскаль покинул свою подопечную, пятясь в поклоне, не подымая глаз, Ариф медленно повернулся к своей гостье и, окинув её восхищённым взглядом, произнёс:

– Ваш евнух не справляется с вами.

– Что дало вам повод сделать такое заключение? – чуть настороженно произнесла Мари.

– Ваши волосы. Они мокрые.

Он приблизился к ней и, накиннув ей на голову палантин из золотых нитей, чуть направил к низкому столику из чёрного дерева. Столик был выложен мозаикой из слоновой кости, и Мари невольно восхитилась изысканности этого предмета. В доме Арифа каждый предмет, будь то ванна или гобелены, вазы, ковры, вызывал восторг и восхищение. Каждая вещь была произведением искусства, что многое говорило о хозяине. Мысленно Мари провела параллель между собой и этими вещами, и ей стало больно и противно от вида роскоши и красоты, окружавшей её в это мгновение.

Удивительно, что её собеседник продолжал хранить молчание. Он только взирал на неё с противоположного конца столика, и на лице его появлялись то суровость, то мягкость, будто он вёл внутри себя молчаливый диалог.

– О чём вы задумались? – не выдержав повисшего между ними напряжения, спросила Мари.

– Прежде всего, думаю о вас. И думаю о том, что вам необходимо поесть, – нежно улыбаясь, чарующим голосом произнес Ариф.

После того как она съела немного хлеба и несколько кисловатых долек оранжевого фрукта, называемого апельсином, и выпила бокал вина, она согрелась.

Он продолжил:

---

⁸ Мужские головные платки, популярные в арабских странах (тур.).

⁹ Женское одеяние (тур.).

– Мои мысли о вас... и о том, что каждая душа в Константинополе служит Великому Султану. От мальчишки, который чистит главную улицу от испражнений верблюдов, – он махнул рукой в сторону широкой улицы, – до воинов внизу во дворе, и даже наши с вами жизни – все мы живём и умираем во благо нашего правителя.

Мари удивлённо вскинула брови.

– У меня несколько иное мнение на этот счёт...

Ариф на это её высказывание лишь нежно улыбнулся, и его глаза загадочно блеснули.

– Какое же? – искренне поинтересовался он.

– Ваши обычаи, порядки и законы для русской княгини... они неприемлемы.

– Для большинства людей закон – это перечень запретов. Однако для избранных это список возможностей.

– Что вы имеете в виду?

– Я всего лишь предлагаю вам взглянуть на всё, что с вами происходит, под другим углом... С другой высоты.

Сказав это, он жестом пригласил Мари подняться и проследовать вслед за ним.

Приблизившись к краю крыши, Мари ахнула.

Невысокий белокаменный бордюр служил безопасным ограждением. Но тем не менее Мари неосознанно встала на шаг ближе к Арифу. У неё закружилась голова от того, что предстало её взору. Перед ней простирался величественный вид города.

Константинополь предстал перед восхищённой женщиной во всём своём могуществе и роскошной красоте. Мари открылся изумительный вид на мечеть и далее – на дворцовые силуэты зданий этого старинного города Востока. Он был так грандиозен и велик, что взгляд Мари даже не мог коснуться окраины города, которая была очень плотно заселена жилыми домами и всевозможными постройками, вплоть до береговой линии моря. Мраморного моря, чьи невозмутимые воды, спокойные в своём величии и чинности, слегка могли позволить себе еле заметную рябь, что расходилась от покачивающихся на воде лодок.

Яркое сияние луны в эту ночь преображало всё вокруг, делая необычным и волшебным. Вместо привычного бледно-голубого блеска сияние будто укутало город в дымку красно-оранжевого цвета, которую было привычнее видеть на закате солнца. Картина, представшая перед Мари, казалась творением рук божественного и бесспорно талантливого художника. Он будто нарочно погрузил город в красноватый туман, отчего люди и строения казались нечёткими, немного размытыми, что придавало виду ощущение зыбкой сказочности.

Картину «одной ночи из тысячи» завершали мирно плывущие по золотистому небу редкие воздушные облака. На водной глади Босфора в отчётливом ярко-красном свечении пролегла лунная дорожка, словно дразня и подмигивая.

От внимания Мари не укрылся и великолепный дворец, что расположился на той же стороне пролива, но чуть поодаль.

– Что это за великолепие? – спросила она у переполненного гордостью за свой город Арифа.

– Думаю, ваше внимание привлёк дворец Долмабахче. Иначе и быть не может.

– Верно, – подтвердила его уверенную догадку Мари.

Резные ворота из золота ярко горели в лучах красной луны. По побережью тянулось ещё пять створчатых ворот, поменьше и поскромнее, видимо для тех, кто прибывал во дворец по воде.

Дворцовые стены тянулись по берегу залива метров на шестьсот, не меньше, а перед центральным фасадом был разбит шикарный парк. Мари и прежде слышала о чуде света – Насыпном саде, легенды о богатстве дворца ходили далеко за пределами Османского государства!

– Всё тихо и безмятежно, *Istanbul*¹⁰ в эти часы – простой тихий столичный город со своими правилами, которые незыблемы и вечны. – Ариф сосредоточенно нахмурился и перевёл взгляд с Мари на прекрасную картину города. – А сколько тут прошло сражений, что на земле, что на воде! Сколько жизней погублено. Эта земля и эта вода помнят многое. Но сейчас всё спокойно. И это спокойствие и уверенность в дне сегодняшнем и днях грядущих дарованы нам нашим Великим Султаном Абдул-Меджидом.

– Абдул-Меджид... – повторила Мари, чтобы лучше запомнить.

– Абдул Великий! – Произнеся это, Ариф фанатично вскинул руки к небу, образно возвышая имя повелителя. – Наш город – единственный в мире, который расположен сразу в двух частях света. Он является столицей трех империй – Римской, Византийской и Османской. Пролит *Boğaziv*¹¹, соединяющий Чёрное и Мраморное моря. Он – сердце Константинополя. Чтобы править этой империей, нужно быть не только выдающимся человеком. Требуется сочетать в себе все лучшие качества и быть сверхчеловеком, быть великим. Таков и есть наш правитель – Абдул-Меджид. Вступив на царствование в шестнадцатилетнем возрасте... Вы можете себе представить мальчишку правящим самой могущественной империей?.. Конечно, многие сравнивали правителя с его отцом – Махмудом Вторым, но нынешний правитель всем доказал, что действительно достоин стоять во главе Османской империи.

– Как же ему это удалось? – поинтересовалась Мари.

Ариф хитро улыбнулся и с энтузиазмом продолжил:

– Молодой султан заручился поддержкой сподвижников его отца. Вместе они совершили ряд преобразований и значительных реформ в стране. Были улучшены дороги, построено множество мостов, властелин всё делал для народа, он даже отменил старинный закон о смертной казни, если человек переходит из ислама в другую религию.

– А за что в вашей империи не казнят? – не удержалась от едкого замечания Мари.

– Нынешний правитель – образованный и добрый по своему характеру человек. Жестокость и невежество в нашей стране исчезли благодаря его правильному правлению, если так возможно выразиться.

– Я ещё не слышала о таких «правильных правителях», разве что только в сказках.

Ариф загадочно улыбнулся:

– А вы в сказке, моя драгоценная.

На это его высказывание она лишь скептически подняла брови.

– Всё это время вы рассказывали мне о достоинствах вашего правителя не случайно, так что вы можете завершить свой рассказ, я слушаю.

Ариф посмотрел с отцовской нежностью на Мари, вновь мудро и загадочно улыбнулся.

– Давайте пройдем в сад, – предложил он. – Ветер поднимается, я боюсь, что вы простудитесь.

Взяв Мари под руку, он повёл её вглубь своего чудесного сада.

– Очарование женщины кроется в её способности быть желанной, оставаясь при этом недостижимой, – издали начал он. – Абдул-Меджид – властитель, наделённый сокрушительной силой. Он видит глубоко и далеко. И ему необходима женщина, способная внести гармонию в его жизнь, способная его покорить.

– Покорить султана?!

– Вы слышали о первой Хасеки-султан?..

Мари отрицательно покачала головой.

– Этот второй по значимости титул в гареме после валиде – матери правителя. «Хасеки» означает «самая любимая». Этот титул ввёл великий султан Сулейман для своей любимой

---

¹⁰ Истанбул (тур.).

¹¹ Босфор (тур.).

наложницы Хюррем-султан, ставшей позднее его законной женой. Она осветила его одинокое сердце, и он стал непобедимым.

Ариф говорил медленно и не без колебаний:

– Хасеки получает лучшие ткани, меха и драгоценности, а также имеет большой штат прислуги и имеет безграничную власть. А главное, хасеки владеет сердцем самого султана.

Мари внимательно и сурово глядела на османа. Она не могла поверить в искренность его намерений. Не хотела верить!

– Вы упустили одну мелкую, но, несомненно, важную деталь, – сухо произнесла она.

– Я слушаю тебя, прекрасная.

– Для того чтобы вселить в мужчину любовь, подобную той, о которой вы мне только что рассказали, нужно самой беззаветно и безгранично его любить.

Ариф впервые за время их встречи был суров.

– Вы будете его так любить, – произнёс он тоном, не терпящим возражений.

Вот женщина, которую он так долго искал и наконец нашел. Она должна помочь ему, Арифу, удержать султана на его месте как можно дольше. Иначе конец! И пусть он всё ещё не уверен в ней, она, без сомнений, именно та, которая нужна Абдул-Меджиду.

Одной лишь фразой она внезапно ускользала из его рук и витала где-то далеко-далеко, и Ариф знал, куда устремлены мысли и порывы его подопечной. Поистине женщины – трудно-постижимые существа. Он предлагал положить к её ногам империю, а она цеплялась за жалкие обрывки надежды о возвращении в свою прежнюю жизнь.

– Послушай меня, Мерьем, и успокойся.

– Мерьем?! – удивлённо произнесла Мари.

– Ты примешь ислам, и это твоё новое имя. Оно означает «непокорная». – Его губы дрогнули в улыбке. – Я дам тебе время избыть лихорадку и страх, я подожду... Я помедлю и не стану пока упоминать о тебе перед моим господином. Он не узнает тебя до тех пор, пока я не научу тебя всему и ты не станешь лучшей.

Ариф подошёл к ней так близко, что она почувствовала его тёплое дыхание на своих щеках. Он говорил быстро и чётко, чтобы у Мари не было ни малейшей возможности возразить.

– Гарем – не просто огороженное место, где живут мусульманские женщины, – продолжал он. – Это институт посвящений, где девушки получают новое имя, обучаются религиозному почитанию и абсолютному подчинению. Будь солнце мужского рода, даже светилу не было бы позволено заглядывать в *harem*¹². Ты посветишь часть своего времени изучению Корана, обучению танцам, игре на музыкальных инструментах, каллиграфии. Экзамен, который принимает Серветсеза Кадын-эфенди – первая жена правителя, мы минуем. Я отдам распоряжение. Мои приказания в серале¹³ значат больше, чем даже повеления государя.

– Невероятно... – только и смогла прошептать Мари.

Ей сделалось дурно, и огни города поплыли перед её глазами. Она так устала от этого, что впору было умереть.

Снисходительным жестом Ариф притянул женщину к себе.

– Все женщины, жаждущие милости одного повелителя, ненавидят и хотят погубить друг друга. Но ты всё преодолеешь, ты станешь *güneş Meryem*¹⁴ для повелителя трёх империй.

Мари с трудом могла дышать.

Она должна использовать это время для побега. Она должна, чего бы ей это ни стоило, вернуться домой...

---

¹² Гарем (тур.).

¹³ Сераль – дворец, а также гарем во дворце.

¹⁴ Игра слов. *Güneş* – солнце. *Meryem* – женское имя, означающее «непокорная». Непокорное солнце.

Глава 2

Взошло солнце, и, словно повинуюсь его дирижерской палочке, разом грянул многоголосый хор города, и партии его исполнялись порой нестройно, ярко, отдельно друг от друга. Просительный звон молельных колокольчиков, словно стая испуганных голубей, как по команде взмывал в небо и, затем только стихая, терялся в облаках. Пронзительные крики, зовущие верующих на молитву, сложно сочетались с оглушительными призывными воплями торговцев, расхваливающих свой товар на всевозможных языках и диалектах. Свистки, цокот подков по улицам, хриплые осевшие голоса уличных певцов, исполняющих песни на различных языках и на любой лад. Но весь этот гам и гомон было нельзя сравнить по силе мощи с канонадой, выбиваемой жестянщиком. Всю эту какофонию Мари слышала, когда рабы, нёсшие её паланкин¹⁵, пересекали оживлённый рынок.

Экзотические запахи щекотали Мари нос, это была неповторимая гамма пряных ароматов, которые источали корзины со съедобными кореньями, специями и целые мешками разноцветных порошков. И этот букет запахов пропитывал собой воздух, придавая рынку ни с чем не сравнимую атмосферу.

Рабы-евнухи пронесли паланкин Мари мимо поющих фонтанчиков, потом повернули с главной улицы рынка туда, где были расположены частные дома, в которых также велась не менее оживлённая торговля. И когда они стали взбираться на холм и оживление рыночных улиц стало менее слышно, Мари выбралась из своего паланкина, предпочтя немного пройтись пешком, предусмотрительно прикрыв лицо чадрой.

Со всех сторон сновал бесконечный поток носильщиков, занимающихся доставкой всего чего угодно. Согнувшись под тяжестью груза, зажав в зубах списки заказов, они с раннего утра до поздней ночи бегали без усталости по людным улицам, довольные тем, что у них есть работа.

– Этим людям неважно, какой ценой достается им кусок хлеба, – услышала позади себя Мари голос Арифа. – Улицы порой так узки, что по ним не проедешь, поэтому мелкие лавочки пользуются услугами носильщиков. А те и рады заработать. Не пугайтесь, моя дорогая.

Ариф бережно взял свою подопечную под локоть и повёл далее. Вместе они, не без труда сумев высвободиться из потока мужчин с баулами и тюками, оказались на более узкой, но достаточно свободной от нескончаемого потока людей улочке.

– В Константинополе есть немало и тех, кто зарабатывает себе на жизнь менее праведными трудами. Городские жулики и мошенники, особый клан людей с фантастическим умением очаровывать человека, они балансируют где-то на грани закона и действительно опасны для молодой женщины. Почему вы выбрались из паланкина?

– Мне захотелось пройтись и всё получше рассмотреть, – солгала Мари.

Конечно же, она рассчитывала затеряться в благословенной толпе и попытаться сбежать. Но после предостережения Арифа её пыл в желании сбежать поубавился.

В особняке Арифа Мари провела более месяца, и всё это время Паскаль, а порой и сам паша брали на себя роль наставника, знакомя её с доселе неизвестным и обучая всему, что было необходимо знать эфенди султанского гарема.

Ариф-паша в этот месяц довольно часто отлучался, оставляя Мари на попечение Паскаля с его долгими изнурительными поучениями. Самым сложным для Мари было привыкнуть к её новому имени, она практически не отзывалась, когда её звали Мерьем, и настойчиво упорствовала в своём неповиновении.

Когда Ариф бывал в городе, он часто приглашал Мари пообедать с ним. Казалось, он был очарован ею. Его поражало, что она довольно часто обыгрывала его в шахматы и увлечённо

¹⁵ Средство передвижения на деревянных поручнях, которое носят в восточных странах носильщики.

обсуждала, на его взгляд, скучные для женщины политические темы. Она знала, что после того, как он позволял ей удалиться на покой, он призывал в свою спальню одну из своих жён или наложниц. В гареме постоянно только и обсуждались предпочтения господина. Наложницами и старшей женой строго велся учёт, кого и сколько раз он приглашал на ночь к себе. Однако общество за трапезой ему составляла только Мари.

В османском гареме существовала иерархия. На её вершине стояла мать правителя – валиде. Следующей ступенью была первая жена, официальная или неофициальная. Родить первой сына – это была мечта, наверное, почти всех обитательниц гарема. Такую женщину называли баш кадын, что означало главная женщина султана. Вторую жену называли икинджи кадын, третью – учюнджю кадын, четвертая – дёрдюджю кадын, далее Мари уже была просто не в состоянии запомнить. Позднее, во времена султана Сулеймана, был введён ещё один гаремный титул – хасеки. О нём Мари уже знала, но даже и думать об этом не хотела...

В один из вечеров, когда Ариф-паша вновь призвал Мари к себе в покои, он рассказал ей странную историю.

– Слышала ли ты, Мерьем, французскую народную сказку, легенду о коварном муже, жены которого отправлялись на тот свет при странных обстоятельствах и по неизвестным причинам? – начал он, как всегда, в своей загадочной манере.

– Нет, – покачала головой Мари, – не слышала. Вы расскажете?

– Нет. Я расскажу тебе правдивую историю, Мерьем.

Взгляд Мари тут же переменялся с сосредоточенно-внимательного на холодно-колкий. Ариф на это благосклонно улыбнулся и продолжил:

– Тебе не нравится это имя?

– Нет. Мне нравится моё имя. Мари.

– Мари... Мария... Ма-ашэнка, – мягко, с тёплым восточным акцентом произнёс он. –

Правильно?

Она кивнула.

– Мерьем – очень схоже по звучанию, ты не находишь?

– Не нахожу. Вы начали рассказывать о мужчине, чьи жёны беспричинно погибали, – попытавшись сменить тему, вежливо напомнила ему Мари.

– Да-да... Я помню, – улыбнулся Ариф и продолжил: – Во время Восточной кампании Османская империя сделала большой заём у Англии, и нашего правителя Абдул-Меджида занимали уже не столько внутренние преобразования, сколько проблемы внешнего долга. Чтобы заплатить за стоимость Крымской войны, султан был вынужден также занять значительные суммы у своих французских и британских союзников.

Ариф сделал паузу, но Мари многозначительно ему кивнула, тем самым давая понять, что внимательно его слушает и понимает суть их разговора.

Кивнув Мари в ответ, паша продолжил:

– Вернуть эти деньги имперская казна была не в состоянии. Неудачи сломили султана. Он утратил интерес к государственным делам и уединился в своём великолепном дворце, спрятавшись от всего мира. Уставший от проделанных преобразований, он не чувствовал ни благодарности, ни любви от озлобленного, вечно требующего народа. В какой-то момент правитель стал проявлять апатию к государственным делам. Он ушёл с головой в личную жизнь и стал тратить огромные суммы на свой гарем и облагораживание дворца Долмабахче.

Ариф задержал пронизывающий взгляд на задумчивом лице собеседницы, пытаясь понять ход её мыслей, затем продолжил.

– Но и тут нашего султана постигла злая судьба, – обречённо прибавил он.

– Первой в гареме султана умерла Зейнимелек ханым-эфенди – вторая икбал падишаха. Следующей стала Хюсниджанан – третья гёзде. Третья жена султана Дюздидиль скончалась спустя два года. Через какое-то время гарем снова похоронил фаворитку – четвертую икбал

Нергиз-ханым. Хошъяр умерла при родах, и напасти не оставили моего султана – в тот же год скончался и маленький наследник Мехмед-Фуад.

Главную икбал Нюкхетсезу падишах потерял через год. Она успела стать матерью троих детей. Айше-султан и шехзаде Ахмед не выжили.

Через два года умерла легендарная Гюльджемаль – мать Мехмеда, и две его девочки скончались маленькими. Далее повелитель попросился навечно сразу с двумя любимицами. Тири-можган – красавица черкешенка. Кадын родила султану двух дочерей и сына. Наиме и Мехмед-Абид не выжили. И уже через неделю скончалась икбал Несрин. Четверо малышей Несрин ушли ещё раньше один за другим, порадовав родителей всего несколько лет, осталась только султанша Бехидже. Навекмисаль умерла вскоре после свадьбы с султаном. В течение последующего года гарем потерял ещё одну икбал Джейланкяр. Фаворитка ушла через три года после смерти своего малыша Мехмед-Рюшди. И месяц назад ушла из жизни гёзде Шаян. Её смерть стала последним ударом для султана...

Ариф умолк, и в тишине Мари лишь слышала его разгорячённое, глубокое дыхание.

Если бы она не знала этого человека, то могла бы поклясться, что у всегда спокойного и в высшей степени владеющего своими эмоциями османского паши Арифа-эфенди дрожали губы.

– Причина столь частых смертей? – без капли жалости в голосе произнесла она.

– Неизвестно, – покачал головой Ариф. – Были версии насчёт болезней лёгких...

– Чахотка?

Голос Мари предательски дрогнул.

Паша кивнул, продолжая сурово смотреть на Мари.

– Ты должна вдохнуть в султана новую радость жизни... Если наш повелитель погибнет, ему на смену придёт его младший брат...

Ариф резко поднялся со своего места, что-то гневно прошептав по-турецки.

Мари знала уже достаточно слов, чтобы понимать турецкую речь, но таких выражений она прежде не слышала, хотя и смогла по тону угадать их смысл.

– Абдул-Меджид лучший правитель для нынешнего времени и племени, если же к власти придёт его брат Абдул-Азис, то империя рухнет, и в Константинополе поселится хаос. Брат султана – энергичный и амбициозный человек, но он всегда волею судеб оказывался в тени своего блистательного брата, и если ему выпадет шанс, как он считает, восстановить справедливость, он его, видит Аллах, не упустит.

Ариф, приблизившись к Мари, встал перед ней на одно колено.

– Ты сможешь мне спасти нашего султана и не допустить падения империи. Ты обладаешь редкими качествами, ты можешь возвышать человека, находящегося рядом с тобой, ты способна сострадать и любить, ты величественно и сдержанно проста, как сама природа. Он будет в восторге и восхищении от тебя, в коих чувствах пребываю и я, находясь рядом с тобой. Если ты подаришь султану свою преданность, если ты исцелишь повелителя своей красивой любовью... Перед тобой откроются возможности, которых ты не смела и вообразить.

Мари глядела на него, затаив дыхание.

– А смогу я оживить мужа? – сквозь сжатые до боли зубы словно процедила она.

Арифу этот вопрос не понравился. Он резко поднялся, приблизился и стал напоминать грозовую тучу, в один миг нависшую над ней.

– Ты не хочешь по-хорошему, – со злой, но деланной лаской в голосе подытожил он.

Мари это ничуть не испугало, и она продолжила в том же духе, как начала:

– Вы обещали рассказать мне о муже... Вы не держите своих обещаний, как же я могу вам доверять в столь грандиозных планах в отношении султана и спасении вашей империи?

Его очень позабавила её блистательная оборона. Ариф тут же смягчился и, вновь заняв своё место напротив Мари, спросил:

– Что ты хочешь знать?

Переведя дыхание, она быстро произнесла давно заготовленные слова, ни на секунду не задумываясь об их подборе, слова, которые были готовы сорваться с её губ уже давно, она их вынашивала, они жгли её своей безответностью.

– Как он умер?

– Точно не знаю, – тут же ответил Ариф. – Я знаком с той влиятельной особой, что выкупила его на невольничьем рынке.

Мари в приступе отчаяния прикрыла глаза, но продолжила свои расспросы:

– Кто она?

– Не могу сказать, но она как-то обмолвилась мне при встрече о том, что русский князь не выдержал церемонии, то есть процесса посвящения в евнухи, если вы понимаете, о чём я. Он не смог пережить...

Мари вихрем взметнулась со своего места.

– Прекратите! – точно разгневанная фурия, теряя самообладание, выкрикнула она.

Ариф, встав и выпрямившись во весь свой внушительный рост, уже мягко продолжил:

– Вы сами настояли на том, чтобы я вам это поведал...

Он склонился в почтительном поклоне, этим давая понять, что их вечер и разговор окончены.

После этой встречи он не вызывал к себе Мари целых четырнадцать дней. И правильно поступал! Не находя себе места в стенах удушливого гарема, она точно дикая кошка металась днём, а по ночам лила горячие, отчаянные слёзы. Мари не хотела в это верить! Она не смела поверить в эту откровенную и гнусную ложь! А кроме того, доверяя своим чувствам и интуиции, она ни на секунду не сомневалась в том, что её муж жив.

В эти жуткие дни даже Паскаль побаивался без особой нужды попадаться на глаза своей госпоже.

Как-то раз он попытался вразумить непокорную княгиню и начал было восхвалять по наказанию Арифа султана Абдул-Меджида. Он говорил, что правитель возведёт Мари в ранг богини, так как питает особую слабость ко всему иноземному, любит европейскую музыку, говорит по-французски и по-русски и даже заимел при дворе небольшой театр, где исполняются драмы и оперетты. После этой увлечённой и высокопарной речи Мари опрокинула на голову бедного евнуха поднос со своим обедом. Паскаль был чрезвычайно огорчён, ведь он искренне начал привязываться к своей хозяйке. И был несправедливо наказан, в очередной раз пытаясь накормить невольницу.

И вот теперь, сегодняшним днём, Мари сделала попытку вырваться из стен гарема, освободится из неволи своих печальных мыслей. И, сделав первый шаг к осуществлению своего плана, выйдя из паланкина, она неожиданно встретила Арифа. Конечно, за ней следили, и она поняла, что все её попытки побега без помощи друзей и союзников будут тщетны. Ей хотелось плакать, выть от беспомощности, но она научилась никому не показывать свои истинные чувства. Так они и стояли друг против друга, и Мари без боязни, даже с иронией, смотрела в глаза молчаливо-грозному паше.

Но совершенно неожиданно из-за угла покосившейся лавочки появился молодой цыган, выведя за собой на цепи огромного дрессированного медведя. От удивления и неожиданности Мари взвизгнула, а лицо Арифа приобрело растеряннопаническое выражение. Он тут же схватился за ятаган¹⁶, который всегда висел на его поясе. Прикрывая собой испуганную подопечную, он встал перед ней, готовый в любой момент принять бой. Но цыган что-то выкрикнул, судя по всему, на испанском языке, и, непрерывно продолжая тараторить, раскинул свои руки, словно защищая животное. На Арифа это произвело должное действие, и он опустил клинок.

---

¹⁶ Большой турецкий кинжал.

– Что он сказал? – тихо любопытствовала Мари, разглядывая цыгана и медведя из-за широкой спины своего защитника.

– Он говорит, что зверь не причинит нам вреда. Что он купил его у живодёра и тем самым спас медведю жизнь. Он хочет, чтобы Омир...

– Омир – это имя медведя? – уже осмелев и сделав шаг навстречу цыгану, уточнила Мари.

– Верно. Омир умеет танцевать и может для тебя это сделать за пару монет.

– Но у меня нет монет, – точно опомнившись, разочарованно произнесла она и остановилась.

Вид зверя вызывал сострадание – его шерсть свалаялась и бугрилась комками и клочьями неопределённого цвета, а протетое через ноздри кольцо придавало ему сходство с потрёпанным в боях пиратом. Мари ужасно, по-детски, захотелось посмотреть, как Омир будет танцевать, кроме того, не нужно было особого ума, для того чтобы понять: чтобы медведь ел, ему нужно танцевать.

Ариф без лишних слов протянул цыгану горсть монет, и по лицу паренька стало понятно, что это было гораздо больше желаемой суммы. Да и потрёпанному голодному зверю не понадобилось отдельного приглашения, видимо, приученный к звуку и виду монет в руках хозяина, он уже точно знал, что от него потребуется в данный момент.

Оторвав свой увесистый зад от земли, зверь чуть приподнялся на задних лапах и под довольно сносную игру хозяина на маленькой скрипке, вызывая умиление и сочувствие, неуклюже закружился.

Как это всё наполнило душу Мари радостью и грустью, как чудесно играла скрипка, как грациозно танцевал медведь! Улыбка на её губах становилась всё шире и ярче, прогоняя тени пережитого горя и тоски с её лица.

Этот импровизированный концерт длился ровно до тех пор, пока на горизонте не появились блюстителю закона и порядка улиц города.

– Если поймают – оштрафуют и медведя отберут, – прервав выступление, протараторил по-испански цыган. – Поэтому пора бежать. А это нелегко, когда приходится такого чёрта силком тащить...

В этот раз медведь охотно последовал за хозяином, и они благополучно скрылись в дальнем переулке.

Мари не могла сдержать смех, когда Ариф перевёл фразу, что бросил напоследок горедриковщик.

Тут же её вниманием завладел бодрый старичок с длинной седой бородой и в ярко-красном тюбанае.

– Вы думаете, что я простой торговец? Ничего подобного... – сказочно начал он.

Мари с трудом, но всё же смогла понять его слова, с гордостью осознав, что хоть что-то смогла усвоить из уроков Паскаля.

– Я – могущественный целитель, – убедительно продолжал вещать старик, пытаясь увлечь женщину за прилавок своей крошечной лавочки. – Ко мне приходят, чтобы излечиться от недугов. Например, если человек мается животом, в моей лавке есть корень волшебного растения. Его нужно прокипятить, а потом остудить, а затем только пить получившийся отвар. Если же человека одолевают страхи и видения, то достаточно сжечь вот эту змеиную шкуру, и злые духи оставят беднягу в покое...

Мари, как ни пыталась, ничего не могла понять из речи увлечённого рассказчика. Но тут над её головой раздался заговорщический голос Арифа:

– Помнишь, я говорил тебе о шарлатанах и мошенниках?

Она в ответ поспешно кивнула.

– Это как раз тот самый случай, нагляднее урока не придумаешь. Смотри и запоминай.

И, что-то прибавив непонятное по-турецки, Ариф повёл её дальше по лабиринтам шумного, яркого турецкого рынка.

Проблуждав больше часа по узеньким рыночным улочкам, паша остановил восхищённую Мари возле низенького, неприметного домика.

Жестом приказав охране и рабам оставаться снаружи и ждать, он провёл свою спутницу внутрь помещения.

Прикрыв за собой двери, Ариф плавным движением отвёл с её лица чадру.

– Здесь ты можешь открыть лицо, – тихо произнёс он, с нежностью заглянув в удивлённые глаза Мари.

– *Selamlar, sevgili dostum! Allah yaşlı adamı unutmama izin vermez*¹⁷.

Мари и Ариф одновременно повернулись на хриплый голос, раздавшийся из глубины увешанной разноцветными коврами лавки.

Еле передвигая ноги и шаркая подошвами сандалий, к ним медленно, раскинув трясущиеся руки в радостном приветствии, приближался мужчина в глубоко пожилом возрасте.

– Это ковровая лавка почтенного Мурад-бея, – произнёс Ариф и поспешил навстречу радостному старику, раскрыв руки в ответном приветствии.

– Ас-саляму‘алейкум, Мурад-бей, да пошлёт тебе Аллах долгие годы, мой дорогой друг, мой учитель, пусть твои добрые глаза ещё долго смотрят на этот мир. – И он учтиво склонился к ногам старика.

– Ва-‘аляйкуму с-салям, – прощамкал старик, кивая седой головой. – Что привело тебя к самому древнему мира сего? – пошутил он и перевёл свой заинтересованный взгляд на Мари.

Она кивнула и, подобно Ариффу-паше, в поклоне опустила к ногам Мурад-бея.

– Мы с госпожой Мерьем, – представил Ариф свою спутницу, – посетили тебя с тем, чтобы купить пару ковров, учитель.

Мари легко смогла понять смысл сказанного и, вновь склонившись, уверенно произнесла на турецком:

– Доброго дня, Мурад-бей.

Мурад-бей в широком жесте повёл рукой, как бы приглашая дорогих покупателей оценить товар и, как позже поняла Мари, дело всей его жизни.

На стенах, на полу и даже на потолке в хаотично-искусном беспорядке красовались ковры и полотна, изготовленные из шерсти и украшенные геометрическими фигурами и всевозможными растительными мотивами. Ушаки насыщенно-красного цвета с медальонами, арабесками жёлтого и синего цвета, сложно переплетённые ромбы гольбейнов и кружевные арабески ковров лотто... Более всего Мари понравились простые рисунки в скромной, но изысканной цветовой гамме ковров юрук и изготовленные из тончайшего шёлка хереке.

На одном из последних Мари задержала свой восторженный взор.

– Позвольте, я расскажу вам, почтенная госпожа, о своём искусстве? – предложил ткач.

Мари поспешно кивнула в знак охотного согласия и с мягкой улыбкой на губах подошла ближе к старику. Чуть помедлив, она произнесла:

– *Bu güzellik nasıl ortaya çıkıyor?*¹⁸

Мурад-бей беззубо улыбнулся.

– Вязкой узлов и хитрых сплетений... Если у этого мира есть верх, то у него должен быть и низ... Когда между узорами судьбы образуются щелевые просветы, только любовь может спасти. Любовь к женщине, любовь к Аллаху, любовь к своему делу... Жизнь, лишённая любви, становится бесцветной и безвкусной, как халва из снега.

Когда старец закончил, Ариф перевёл для Мари его слова и прибавил:

¹⁷ Приветствую тебя, мой дорогой друг! Да хранит тебя Всемогущий Аллах, не забываешь старика...

¹⁸ Как получается такая красота?

– Мурад-бей – один из самых древних мастеров ткацкого дела. А ещё он мудрец и пророк. Все в округе от мала до велика почитают и превозносят его талант и мудрость.

– Он очень точно выразился о красках любви, – задумчиво произнесла Мари.

– Помимо красок любви существуют ещё краски верности и чести, краски счастья и горести. Они вплетаются в ковёр человеческим трудом, и только потом корень морены, индиго, шафран или грецкий орех отдаёт ему свой цвет.

– Грецкий орех?!

– Чёрный или коричневый цвет.

Ариф провёл рукой по мягкому ворсу тёмно-пурпурного цвета.

– Только турецкие ковры обладают индивидуальной палитрой, включающей насыщенный пурпур. И только сверкающий жёлтый и яркий зелёный цвета могут идти в дополнение к более обычным оттенкам красного и синего в наших коврах.

Колокольчик при входе тревожно оповестил о вновь прибывшем госте, и головы присутствующих обернулись на этот звук.

На пороге появился уличный попрошайка.

Мари с любопытством стала наблюдать за последующими действиями хозяина лавки. На её родине беднягу давно бы уже погнали кнутом или палками. Но Мурад-бей даже не переменился в лице, его черты хранили прежнее спокойствие и добродушие:

– Воды, – протянул осипшим голосом нежданный гость.

– Мальчик мой, – обратился к Арифу-паше старец, – принеси этому доброму человеку стакан воды и хлеба.

Ариф кивнул и скрылся в подвесных ковровых коридорах. А Мурад-бей жестом пригласил человека пройти в его лавку.

Мари было так странно и в то же время так спокойно... Её немного удивило такое вольное и свободное обращение старца к грозному и повелительному Арифу-паше. И то, что он, немощный старец, практически одним словом заставил второго человека в Константинополе после султана прислуживать бездомному нищему.

Раздумья Мари прервал этот самый несчастный. Он как-то резко качнулся и после буквально согнулся пополам в приступе раздражающего кашля.

Ни на секунду не задумавшись о последствиях, Мари метнулась к несчастному, успев его подхватить, прежде чем тот начал валиться на дощатый пол.

– Что с вами?.. – вырвалось на родном языке.

Обхватив обеими руками огромного по сравнению с ней мужчину, она провела его к креслу, на которое указал Мурад-бей.

Не в состоянии ни на миг остановить лихорадочный приступ лающего кашля, мужчина крепко прижимал обе руки ко рту, тем самым не позволяя себе сделать вдох. Лицо его к тому же было основательно перемотано ветошью, что ещё сильнее затрудняло дыхание.

Когда Мари попыталась снять с его головы удушающее тряпье, он, перехватив её руку, с завидной для этого состояния силой отвёл её от себя. В этот момент кусок материи сполз с нижней части его лица, и взору Мари открылись резко очерченные губы и яркая струйка алой крови, сверкающая на нижней губе.

Словно окаменев в этот момент от страшной догадки, Мари безошибочно узнала причину недомоганий несчастного. А главное, она помнила, каким быстрым и безжалостным мог быть конец от этой болезни.

Чохотка унесла первого мужа Мари, Алекса. Тогда молодая графиня Валевская была совсем ещё юна и неопытна. Страшась недуга супруга, она практически не прикасалась к нему, даже боялась говорить с ним в его последние жуткие дни.

Вспомнив прошлое, она ощутила вновь свою вину перед больным мужем, беспомощность, стыд и сожаление. Мари сама не смогла бы себе объяснить, отчего она порывисто опустилась рядом с больным мужчиной на колени, но она отчётливо произнесла на турецком:

– Я могу помочь. Я знаю как!

Красивые глаза смотрели на неё с удивлением сквозь прореху в грязной истлевшей ткани.

– Снимите это, – указав на тряпку на его голове, скомандовала она.

Вторая волна подступающего кашля заставила мужчину повиноваться. Позволив Мари освободить от ветоши хотя бы нижнюю часть лица, он вновь погрузился в терзающий грудной кашель, напоминающий безудержный лай.

Мари не заметила возвращения Арифа, но она почувствовала его присутствие спиной.

Ни слова не говоря, он протянул ей кружку с водой.

Наспех его поблагодарив, Мари прибавила:

– Попросите его попытаться сделать глоток. Пусть попробует дышать ровнее...

Насколько это возможно.

Ариф кивнул и перевёл мужчине просьбу Мари.

Распахнутые глаза из прорези с нескрываемым живым интересом неотрывно наблюдали за действиями женщины.

Вытащив из-за пазухи белоснежный льняной платок – он был неотъемлемой частью женского гардероба в подобном климате, – Мари щедро смочила его водой. Приложив кусочек материи к губам страдающего, она медленно произнесла:

– Пейте...

Когда губы мужчины крепко сжались и дыхание чуть успокоилось, он начал понемногу высасывать из ткани живительную влагу.

– Вот и хорошо... Молодец... Правильно... – кивала, подбадривая и успокаивая его, Мари. – Пейте, пейте...

После пяти глотков незнакомец устало прикрыл глаза, откинувшись на спинку кресла.

Мари отёрла ему губы и, поднявшись с колен, встретила с тяжело-задумчивым взглядом Арифа.

– Нам пора, – произнёс он и стремительно вышел из лавки торговца.

Только когда колокольчик звякнул, а двери захлопнулись, Мари перевела удивлённый, непонимающий взгляд на Мурад-бея.

– К котлу ума нужен ещё черпак счастья, – только и произнёс старик.

Но Мари, не поняв его слов, поклонилась и вышла вслед за Арифом, звякнув на прощание колокольчиком входной двери.

Глава 3

Абдул-Меджид, тридцать первый султан Османской империи, старший сын Махмуда Второго, сидел напротив Арифа-паши за массивным письменным столом из тёмно-красного дерева. В молчаливом раздумье он поднялся на ноги и неспешно подошёл к распахнутому окну.

Солнце ярко светило в разноцветные стёкла окон кабинета, отчего на смуглом красивом лице султана играли цветные лучи.

Вдоль ближайшей стены от самого окна располагались ряды книжных шкафов с разными редкими книгами от древних писаний до греческой и латынской классики, увесистые тома по философии и научной литературе, а также разнообразная подборка иноземных писателей и поэтов. Медж всегда питал большое уважение к своей стране, но, путешествуя, он научился также ценить и уважать культуру всех великих цивилизаций. Если бы только и его подданные имели столь же широкие взгляды...

Абдул-Меджид вообще имел слабость ко всему иноземному, любил европейскую музыку, говорил по-французски и по-русски и даже знал немного язык англичан. Он создал свой маленький рай на европейском побережье Босфора и укрывался в нём от бередивших сердце и душу неудач и бед, случившихся по вине отчаянного невежества и узости суждений.

Долмабахче поражал своей архитектурой и великолепием. Он был более приспособлен к современным условиям, чем старый сераль, и султан устраивал здесь приемы на европейский лад, отличавшиеся показной роскошью и богатством. Поистине Насыпной сад, как именовали дворец иноземные гости, поражал своей дерзкой роскошью. Мраморные залы, сверкающие позолотой, хрусталём, гипсом и порфиром, словно переносили гостей в волшебный мир. Потолки этих сказочных залов были расписаны французскими и итальянскими художниками и представляли собой истинные произведения искусства. А тронный зал, украшенный крупнейшими в мире зеркалами, завораживал новаторской фантазией, и всё это вызывало как восхищение, так и зависть. И даже ходили смешные, на взгляд султана, слухи, что постель в его спальне была изготовлена из чистого серебра. Дабы не разочаровывать сплетников и лжецов, Медж приказал в кратчайшие сроки отлить для себя огромную кровать из чистого серебра, чем ещё больше возбудил интерес и ропот недовольства среди тайных завистников и недругов.

Солнце продолжало бесстыдно ласкать своими лучами мужественное лицо Абдул-Меджида, а он всё стоял у окна в томительной задумчивости. Однако его молчание затянулось, и Ариф начал медленно подниматься в своём кресле, чем тут же привлёк внимание повелителя.

– Нет-нет, пожалуйста, останься, – попросил он и, приблизившись к креслу Арифа, положил руку ему на плечо, тем самым усадив собеседника на место. – Нам ещё необходимо заняться изменением в распределении податей, отказаться от системы сдачи их на откуп. И ещё определить расходы на сухопутные и морские силы... Как ты... что ты предлагал? Извини, я отвлёкся.

– Установить публичность судостроения, – почтительно, но не без толики раздражения произнёс Ариф.

Он давно стал замечать, что уставший от бремени власти правитель стал проявлять апатию к государственным делам. Ему часто нездоровилось последнее время, если только дело не касалось прекрасного вина и восхитительных женщин. Имперская казна была практически пуста, выплаты жалования военнослужащим превратились в сплошные долги со стороны правителя. И стоимость жизни росла, и беднеющее население становилось всё более враждебным. Арифу порой казалось, что Меджид ведёт внутреннюю войну с собственным народом. Неудачи и череда бед, казалось, просто сломили волю султана. Он утратил интерес к государственным делам, ценностям жизни, всё чаще уединяясь в своём дворце.

А вот младший брат Меджида с самого раннего детства равнялся на старшего и неосознанно завидовал ему, стремясь доказать, что он лучше. И теперь как зверь, питающийся падалью, будто почувствовав слабость султана, в последнее время активно настраивал против него все высшие собрания. Оба брата, Абдул-Азис и Абдул-Меджид, были красивыми и физически крепкими мужчинами, но амбициозному и полуграмотному Азису было далеко до своего старшего брата. Будучи лицемерным, сладострастным и кровожадным тираном, скорее напоминавшим султанов прошлых веков, чем своего брата, он неотступно стремился занять место Меджида.

– Я позволю себе заметить, – аккуратно начал Ариф, – сегодня вы ещё более рассеянны, чем когда бы то ни было...

– Аль-Бари!¹⁹ – устало воскликнул Меджид. – Не могу это слышать от тебя! То, что ты мой друг, не даёт тебе права так говорить со своим султаном.

– У султана нет друзей, но тем не менее это так, – с учтивым поклоном ответил Ариф. – Я знаю, – продолжил он, – что вы знаток женских прелестей и ваш гарем полон красавиц. В вашем гареме уже больше женщин, чем позволяет всемилостивый Аллах, неужели же среди них нет той, которая смогла бы даровать вам радость и успокоение?..

– Это так, – сурово кивнул Меджид. – Женщин у меня в избытке, но такой, о которой ты говоришь, нет...

Он покачал головой и прибавил:

– Ты знаешь моё отношение и мои взгляды на бесполезность этого змеиного гнезда.

– Разве не прекрасно, что султану положено иметь четырёх жён и великое множество наложниц? – Чувственная улыбка изогнула губы Арифа. – А из всех удовольствий, которые женщина может предложить мужчине, мой друг, самые великие – это наслаждение и успокоение.

– Для этого достаточно одной.

Арифу ничего не оставалось, как почтительно склонить голову. К тому же суждения султана абсолютно соответствовали его замыслу и подводили к нему.

– Эта женщина с севера красива, – неожиданно произнёс Меджид.

И Ариф вновь почтительно кивнул.

– Она напоминает цветочный бутон, застывший на морозе и мечтающий о солнце. Все северянки выглядят чопорными и напряженными и, как правило, холодны и ничего не смыслят в искусстве любви.

Он вновь поднялся со своего места и, пройдя к окну, подставил своё лицо золотистым лучам солнца. Улыбнувшись его теплу, он произнёс:

– Я должен встретиться с ней. Думаю, мне будет интересно узнать, какие цветы растут под холодным солнцем.

Ариф сидел молча, глядя в пустоту перед собой. Он никак не мог понять и принять своей реакции на произнесённые султаном слова. Но только что-то заволновалось и взбунтовалось внутри него, и он никак не мог с этим справиться. Всё шло в точности по намеченному им плану, и теперь, в тот момент, когда цель Арифа была почти достигнута, его сердце защемило, оно пошло на попятную. И он испугался собственного, ещё неосознанного, не совершённого пока предательства. Сам не ведая почему и даже не пытаясь удержать непонятный для него порыв, он вдруг произнёс:

– Она ещё не готова.

Насладившись теплом под ласковыми лучами солнца, войдя в тень и чуть закашлявшись от глубокого вдоха, Меджид выпрямился и, заложив обе руки за спину, вопросительно вскинул чёрную густую бровь.

---

¹⁹ Создатель!

Ариффу пришлось подняться. Лихорадочно пытаясь внутри себя подобрать слова и сформулировать из них вескую причину, по которой он только что имел наглость возразить повелителю, совладав со своими чувствами и мыслями, он невозмутимо продолжил:

– Она не так давно у меня... Должно пройти больше времени, чтобы она смела войти в число наложниц вашего гарема, повелитель.

Видит Аллах, он сам не понимал, по какой причине пытался сейчас лгать.

– Я не трону её ровно столько, сколько будет нужно, если я правильно тебя понял, – парировал султан спокойным голосом.

Ариф кивнул.

– Думаю, в следующие выходные...

– Завтра, – перебил его Меджид. – Я желаю видеть её завтра.

И вышел из залитого солнцем кабинета, оставив Арифа наедине с игривыми лучами, но в тени его тайных сомнений, что так внезапно заставили страдать и терзаться его душу.

***

Тем же вечером Ариф призвал в свои покои Мари.

На протяжении всего вечера она ощущала на себе его пристальный взгляд – холодный, спокойный и абсолютно непроницаемый. Она же почувствовала напряжение, боль, исходившую от него, и это заставляло её нервничать и теряться в догадках. Она словно чувствовала каждое его движение, будто они были крепко связаны невидимыми нитями, более крепкими, чем дружба и уважение. Ей нравился его облик. Нравилась его походка, его речь, то, как мгновенно его высокомерие сменялось пониманием. И его взгляд... Он смотрел на неё так пронзительно, словно видел что-то, что больше никому не доступно. От этого взгляда она чувствовала себя достойнее и даже возвышеннее, чем, возможно, была на самом деле. Она поднималась над собой в его глазах. Она замечала, что в его глазах она была прекрасной, в тот же миг становилась прекрасной и ощущала себя такой. Прежде единственным, кто так мог смотреть на Мари, был её муж. Влад обожал её, и теперь очень близкое и похожее она видела в глазах Арифа.

– Как прошёл ваш день? – попытавшись заполнить тишину, произнесла она.

Но ответа не последовало.

Через какое-то время, совершенно смущённая его поведением, Мари попыталась вновь:

– У вас всё хорошо? Не приключилось ли беды?

На этот вопрос Ариф лишь отрицательно покачал головой, при этом ни на секунду не отрывая от её лица сурового взгляда.

– Мне оставить вас? – последовал очередной вопрос Мари.

– Нет, – резко ответил он.

– Что же произошло, вы погрузились в глубокое молчание и точно пытаете меня?!

Услышав отчаяние в её голосе, Ариф растерянно посмотрел на Мари. Затем лениво улыбнулся, и с его лица улетучилась маска печали.

– Не знаю, поймёте ли вы меня, моя дорогая... Я стал заложником собственных стремлений, и это впервые огорчает меня. Я всегда, так сказать, проявлял слабость к своим собственным творениям. Понимаете меня?

– Смотря что вы имеете в виду под словом «слабость».

Он печально улыбнулся:

– Восхищение... привязанность... любовь... страсть.

Всё это он произнёс жёстко, так, будто презирал и отторгал эти чувства.

Мари глубоко вздохнула и попыталась уйти от опасной темы разговора.

– Ну, ваша страсть мне известна, – с обезоруживающей улыбкой заметила она. – Каждый человек привязывается к вещам, созданным своим трудом. И поверьте мне, каждый питает

особые чувства, которые вы охарактеризовали как слабость, к своему произведению. Музыканты боготворят свои симфонии, художники разговаривают со своими полотнами. И попрошу заметить: я считаю настоящим произведением искусства рождение нового человека. Каждое человеческое творение, будь то ребёнок или молитвенный коврик, – это произведение искусства, заслуживающее восхищения, привязанности, любви и даже страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.